

© 2004 г.

С.Ю. САПРЫКИН. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 272 с.

Книга крупного российского историка-античника С.Ю. Сапрыкина, широко известного своими монографиями по истории Херсонеса и Гераклеи Понтийской, а также Понтийского царства, посвящена, пожалуй, одному из самых спорных и в то же время интересных периодов боспорской истории. Эта тема, имеющая солидную историографию, неоднократно привлекала и еще долго будет привлекать внимание отечественных и зарубежных специалистов, историков и археологов. Неудивительно поэтому, что монография С.Ю. Сапрыкина издана Институтом всеобщей истории РАН и университетом города Экзетера (Великобритания) под редакцией академика РАН Г.М. Бонгард-Левина и профессора Д. Браунда. Это уже само по себе свидетельствует об актуальности и своевременности опубликованного исследования, тесно связанного с «понтийской тематикой», которой С.Ю. Сапрыкин занимался на протяжении многих лет. Ведь историю Боспора на рубеже нашей эры невозможно рассматривать в отрыве от правления Митридата VI Евпатора, когда были заложены основы экономической системы Боспорского государства, с одной стороны, и основных направлений политики Рима после смерти понтийского царя, — с другой. Причем автор не ограничивается в монографии использованием письменных источников, а широко привлекает археологический и нумизматический материал.

Анализ истории Боспора на рубеже эр С.Ю. Сапрыкин начинает с периода правления сына Митридата VI Евпатора, который предваряется кратким экскурсом в историю социально-экономического развития предшествующего времени. Однако следует заметить, что, как и в ряде его более ранних работ, для С.Ю. Сапрыкина характерна определенная модернизация экономических отношений античной эпохи. В частности, он считает, что ведущую роль в экономических отношениях играла торгово-ремесленная деятельность и от уровня ее развития в конечном итоге зависело благосостояние широких масс населения (с. 14–15). Вряд ли с этим следует согласиться. Несколько ниже (с. 16) С.Ю. Сапрыкин пишет, что краеугольным камнем политики Митридата на территории Понтийского царства и на Боспоре было создание военных поселений, основным занятием жителей которых, подчиненных царской администрации, помимо военной службы, было занятие сельским хозяйством. А с этим можно согласиться, ибо во всех докапиталистических обществах главным условием и средством производства была земля, а отношения между землевладельцами носили преимущественно натуральный характер. Следовательно, товарные отношения в таких условиях не могли стать господствующими и являлись своеобразной надстройкой над натуральной основой хозяйства¹. Как представляется, эти основные тенденции экономического развития докапиталистических социумов следует учитывать, говоря и о Боспоре.

В главе, посвященной правлению Фарнака на Боспоре рассмотрен широкий круг проблем, связанных с деятельностью сына Митридата во внутригосударственных делах и его политикой по отношению к Риму. Подробно изложены перемены его похода в Малую Азию, попытки воссоздать державу Митридата VI Евпатора, обстоятельства битвы при Зелле и бегство на Боспор после поражения, где к этому времени власть захватил Асандр.

В следующей главе С.Ю. Сапрыкин рассматривает достаточно сложный и нашедший противоречивое отражение в литературе период правления на Боспоре сначала архонта, а затем царя Асандра, который был оставлен Фарнаком на Боспоре в качестве наместника, когда он отправился в Малую Азию. Сложность исследования этого периода заключается в том, что, за исключением данных нумизматики, других источников практически нет, а монеты, к сожа-

¹ Подробно см. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев, 1993. С. 105–106, с литературой.

лению, не поддаются однозначной интерпретации. Однако несмотря на это автор достаточно подробно и убедительно осветил время и обстоятельства прихода Асандра к власти и характер боспорской монетной чеканки времени его правления.

Однако я не могу согласиться с критикой С.Ю. Сапрыкина, высказанной в мой адрес. В частности, это касается времени попытки Асандра захватить Херсонес, которую я в свое время отнес к достаточно широкому хронологическому промежутку времени – между 44 и 31 гг. до н.э.² Автор считает, что это случилось в 46–45 гг. до н.э., а предложенной мною датировке противоречит появление в период правления Асандра на некоторых сериях херсонесских бронзовых монет боспоро-понтийских символов, а также сообщение Страбона (VII. 4. 3) о подчинении Херсонеса со времени Митридата и до последней трети I в. до н.э. царям Боспора. Это, с точки зрения С.Ю. Сапрыкина, свидетельствует о том, что Херсонес находился под протекторатом Боспора и Асандру в это время не было смысла совершать против него военную акцию (с. 77). Но с таким однозначным выводом согласиться трудно.

Не претендуя на окончательное решение этого чрезвычайно сложного вопроса, хотелось бы отметить следующее. Во-первых, монеты, на которые ссылается С.Ю. Сапрыкин, датируются временем правления Фарнака, а не Асандра³. Во-вторых, как на это уже обращалось внимание, указанное сообщение Страбона следует рассматривать в контексте всего его херсонесского пассажа, который был связан с событиями только херсонесско-скифских войн конца II в. до н.э. и не отражает каких-либо событий более позднего времени⁴. И наконец, следует учитывать причины, побудившие Асандра совершить военную акцию против Херсонеса.

Как представляется, основной ее причиной был отказ гражданской общины Херсонеса от выплаты фороса боспорскому правителю после смерти Цезаря. Данная Цезарем элевтерия не была подтверждена, и Херсонес юридически возвратился в то состояние, в котором находился ранее. Поэтому гражданская община города и должна была быть приведена в повиновение вооруженной силой, ибо географическое положение Боспора и Херсонеса исключало какие-либо иные формы зависимости между этими государствами, кроме выплаты определенного фороса, видимо, в форме поземельного налога царю. Гражданские войны в Риме, которые имели место в период между 44 и 31 гг. до н.э., были для Асандра наиболее удобным временем восстановить положение, существовавшее в период правления Фарнака. Тем более, что только после 42 г. до н.э., когда он официально был признан Марком Антонием царем (см. с. 78–79), Асандр мог это сделать, не раздражая своими действиями римскую администрацию и получив на это формальное право. Экономические выгоды, выражавшиеся в первую очередь в получении фороса, как правило, были решающим стимулом в древнем мире для подчинения одних государств другим. Что же касается второго сына Асандра, который погиб в борьбе за Херсонес, то, действительно, нигде не сказано, что он был сыном именно Динамии (с. 78, прим. 74), как, впрочем, нигде в источниках нет данных о том, что у Асандра и Динамии был только один сын Аспург и брак они заключили именно в 42 г. до н.э. (ср. с. 135–136).

В монографии подробно рассмотрена золотая чеканка Асандра и прослежены ее связь с римской политикой на Востоке, а также характер отношений, сложившихся между боспорским царем и Цезарем, вышедшим победителем в гражданской войне. На фоне этих внешнеполитических событий значительное внимание уделено мероприятиям Асандра по укреплению Боспорского государства, которое в его правление контролировало значительные территории в Восточной Таврике и в азиатской части царства благодаря усилению системы военно-хозяйственных поселений, организованных его предшественниками.

Достаточно убедительно С.Ю. Сапрыкиным реконструированы события, связанные с отстранением Асандра от власти, появлением на Боспоре Скрибония и его жемитбой на Динамии. В острой форме он предполагает, что Скрибоний мог прибыть на Боспор по поручению Августа и Агриппы (с. 91–92), что, впрочем, является интересной гипотезой, которая пока, к сожалению, не подтверждается какими-либо источниками.

О правлении царицы Динамии, обстоятельства прихода к власти и основные особенности правления которой рассмотрены С.Ю. Сапрыкиным с исчерпывающей полнотой, известно не очень много. Поэтому безусловной заслугой автора является то, что на основе всей имеющейся источниковой базы ему удалось достаточно убедительно реконструировать этот период боспорской истории и показать на широком историческом фоне характер взаимоотношений ца-

² *Зубарь В.М.* Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 122; *он же.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 11.

³ *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 60; ср. *Зубарь В.М.* Северный Понт... С. 8.

⁴ *Зубарь В.М.* Северный Понт... С. 8.

рицы с Римской империей, государствами Северного Причерноморья и варварской периферией. Но проводимая царицей политика, вероятно, не устраивала Рим, и на Боспор был послан царь Понта Полемон I, который, женившись на Динамии, стал верховным правителем государства. В 12 г. до н.э. Полемон отстранил ее от власти и объединил Боспор с Понтийским царством в единое политическое целое, что, вероятно, римской администрацией рассматривалось в качестве одного из первых шагов по превращению в будущем Боспорского государства в римскую провинцию.

С.Ю. Сапрыкин достаточно подробно рассматривает вопрос об отстранении от власти Динамии Полемоном I, его деятельность на Боспоре и комплекс проблем, связанных с происхождением и обстоятельствами прихода к власти Аспурга, которого он считает сыном Асандра и Динамии. Интересна атрибуция боспорских монетных выпусков со времени смерти Полемона до прихода к власти в 13/14 г. н.э. Аспурга (с. 146–157). Однако во многом она все еще остается гипотетической, так как полное отсутствие иных категорий источников по вопросу о династической истории Боспора на рубеже нашей эры не позволяет присоединиться к той или иной концепции, предложенной исследователями. Ведь все они, включая и предложенную С.Ю. Сапрыкиным, так или иначе, построены на допущениях и логических построениях. С сожалением приходится констатировать, что до появления новых источников этот вопрос продолжает оставаться открытым.

Достаточно подробно и аргументированно в монографии рассмотрены вопросы, связанные с обстоятельствами прихода к власти на Боспоре Аспурга, с его политикой по отношению к боспорским городам, происхождением его жены Гипеприи, особенностями титулатуры царя, а также со временем и причинами принятия царем декретов, адресованных жителям Горгии (с. 158–174). Причем по вопросу о датировке последних подробно рассмотрены все имеющиеся в историографии мнения и высказана авторская точка зрения на причины, побудившие царя издать эти декреты в начальный период своего правления.

В своей внутренней политике Аспург, вынужденный под давлением римской администрации предоставить ряд льгот городам, опирался главным образом на военно-хозяйственные поселения, располагавшиеся на царской земле. С.Ю. Сапрыкин на материалах археологических исследований убедительно доказал, что его опорой были не только аспургиане, но и жители практически всей территории европейского и азиатского Боспора. В данном случае Аспург был продолжателем той политики, основы которой были заложены Митридатом VI Евпатором и продолжалась Фарнаком и Асандром. По сути дела именно Аспург укрепил эту систему, которая позволила Боспорскому государству стабильно развиваться вплоть до третьей четверти III в. н.э. Попутно следует отметить, что вряд ли сейчас уже можно безоговорочно соглашаться с тем, что в I–II вв. н.э. Римская империя оказывала Боспору помощь денежными субсидиями (с. 147). Эта традиционная точка зрения, повторенная С.Ю. Сапрыкиным, пересмотрена и остается сожалеть, что специальная работа по этому вопросу осталась ему неизвестной⁵.

Среди вопросов, которые анализируются в монографии, несколько подробнее хотелось бы остановиться на политике Аспурга в Таврике. С.Ю. Сапрыкин полагает, что «...Аспург добился признания своего суверенитета над населением Таврики, а отношения со Скифским царством рассматривал как установление протектората над ним через заключение скифо-боспорского союза с доминирующей ролью в нем Боспора» (с. 218). Вслед за А.Е. Пуздровским С.Ю. Сапрыкин считает, что именно боспорскими войсками был разрушен не только Неаполь, но и позднескифские городища в Северо-Западной Таврике.

Обычно для подтверждения такого вывода приводятся две боспорские надписи, в которых речь идет о победах Аспурга между 14/15 и 23 гг. н.э. над скифами и таврами⁶, а также археологически засвидетельствованные следы пожаров первой четверти I в. н.э. на Неаполе и городище Кара-Тобе⁷. А.Е. Пуздровский объясняет такую направленность политики боспорского правителя тем, что с I в. до н.э. большая часть Таврического полуострова, включая Херсонес, состояла «под опекой Боспора»⁸. Но такая реконструкция истории Таврики грешит модернизмом и не находит опоры в источниках.

⁵ Зубар В.М., Скржинська М.В. До інтерпретації одного письмового джерела (Luc. Alex. 57) // Археологія. 1997. № 4. С. 119–123; ср. Зубарь. Северный Понт... С. 81.

⁶ КБН № 39, 40.

⁷ Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 101. Прим. 127; ср. он же. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. 1994. 4. С. 399.

⁸ Он же. Политическая история... С. 99.

Во-первых, зависимость Херсонеса от боспорских правителей в первой четверти I в. н.э. не так однозначна, как представляется А.Е. Пуздровскому⁹, с чем в принципе согласен С.Ю. Сапрыкин (с. 218–219). Маловероятно, что боспорские правители были в состоянии контролировать не только Херсонес, но и большую часть Таврики. На это у них просто не было ни сил, ни средств. В связи с этим заслуживают самого пристального внимания мероприятия Асандра и Аспурга по укреплению царства, проводимые на границах Боспорского государства (с. 219), а не в более отдаленных районах Таврического полуострова¹⁰.

Во-вторых, в упоминавшихся боспорских надписях действительно говорится о подчинении скифов и тавров, но нет никаких данных, которые позволяли бы связывать военные действия этого боспорского царя именно со скифами Центральной или Северо-Западной Таврики. Следует иметь в виду, что не позднее рубежа нашей эры Поздняя Скифия перестала существовать в качестве единого целого с центром в Неаполе, как считает С.Ю. Сапрыкин (с. 218, 229, 241). Она распалась на ряд политических структур, во главе которых стояли свои «династии»¹¹, и во второй половине I в. до н.э. на территории Поздней Скифии образовались четыре этногеографические области (Северо-Западная, Юго-Западная, Центральная и Юго-Восточная), «каждая из которых, вероятно, управлялась своими правителями»¹². Следовательно, поход на Неаполь терял всякий смысл, ибо он в лучшем случае был резиденцией только одного из нескольких возможных правителей Поздней Скифии.

Если же исходить из того, что титулатура Аспурга в указанных надписях достаточно близка аналогичным надписям времени правления Спартокидов (с. 175), то вполне резонно предположить, что этот боспорский царь пытался восстановить свое государство в его «исторических границах», а не претендовал на весь Таврический полуостров. Тогда в покоренных скифах и таврах следует видеть ближайших соседей Боспора или, используя наблюдения А.Е. Пуздровского, жителей лишь одной этногеографической области Поздней Скифии – Юго-Восточной Таврики. Сказанное хорошо согласуется с упоминанием Аспурга в надписях как «царствующего над всем Боспором и Феодосией», а также со следами разрушений и пожаров на городищах варварского населения этого района, которые исследователи относят к рубежу н.э. и I в. н.э.¹³. По наблюдениям С.Г. Колтухова, именно к этому времени относятся следы разрушений и пожаров на городище Сары-Кая, между Старым Крымом и Коктебелем, вблизи от контролируемой боспорскими правителями Феодосии¹⁴.

И наконец, в-третьих, учитывая появление значительного массива сарматских памятников в непосредственной близости от Перекопа именно на рубеже нашей эры, следы пожаров первой четверти I в. н.э. на Неаполе, в Центральной Таврике и городище Кара-Тобе в северо-западной ее части, вероятно, можно связывать с сарматскими набегами, тем более что именно к этому времени относятся первые четко атрибутированные сарматские впускные погребения в курганы более раннего времени¹⁵.

Следовательно, можно заключить: следы разрушений и пожаров на ряде позднескифских городищ Таврики, которые относятся к первой четверти I в. н.э.¹⁶, а также появление сарматских погребальных комплексов в юго-западной части Таврического полуострова, следует связывать не с военной деятельностью сарматских дружин Аспурга, а с началом миграции с севе-

⁹ *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 16–18; ср. *Кутайсов В.А.* Северо-Западный Крым и Херсонес в I в. до н.э. – середине I в. н.э. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 97.

¹⁰ См. *Зубарь*. Северный Понт... С. 11, 27–30; ср. *Пуздровский*. Политическая история... С. 99.

¹¹ Подробнее см. *Зубарь*. Северный Понт... С. 29; ср. *он же*. Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. 2002. 9. С. 501–519.

¹² *Пуздровский*. Политическая история... С. 99.

¹³ *Колтухов С.Г.* Пізноскіфські поселення східної частини Передгірського Криму // Археологія. 1991. № 4. С. 88; *он же*. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999. С. 112–115.

¹⁴ *Колтухов*. Укрепления... С. 113–114.

¹⁵ Подробнее см. *Зубарь В.М.* Сарматы, населения Таврики и Херсонес у I ст. н.э. // Археологія. 2003. № 2. С. 26–27.

¹⁶ Ср. *Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 4. В этом отношении весьма показателен неожиданный разгром позднескифского городища Кара-Тобе в начале I в. н.э., где был обнаружен археологический материал, позволяющий связать его с одним из сарматских набегов (*Внуков С.Ю.* Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // Археологические исследования в Крыму 1993 г. Симферополь, 1994. С. 65; *Лагутин А.Б.* Железные наконечники метательного оружия из раскопок греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму // РА. 1999. № 4. С. 203–207).

ра кочевых сарматов, целью которых был, главным образом, грабеж позднескифского населения. Военные же действия Аспурга против тавров и скифов следует связывать с юго-восточной частью Таврики.

Заключительная глава монографии С.Ю. Сапрыкина посвящена времени правления наследников Аспурга – Гипепирии, Митридата Боспорского и обстоятельствам прихода к власти Котиса. Однако вряд ли стоит полностью отвергать, как «надуманный», вывод Ю.Г. Виноградова о том, что Полемон II все-таки пытался вооруженной силой захватить власть на Боспоре (с. 239). Отвергая это заключение, следовало бы вернуться к херсонесской надписи, на основе ревизии которой построено это заключение Ю. Г. Виноградова, и на основании конкретного эпиграфического анализа доказать несостоятельность его аргументации. Ведь ниже С.Ю. Сапрыкин признает, что «...в Риме могли рассматривать возвращение Палемона II в Понтийское царство как предварительный шаг для возможного будущего объединения этого государства с Боспором под римским контролем» (с. 239).

Достаточно подробно, на широком историческом фоне в монографии рассмотрены вопросы, связанные с причинами и ходом Римско-боспорской войны, в результате которой Митридат Боспорский был отстранен от власти и на боспорский престол посажен проримски настроенный Котис I. Однако удивляет скепсис С.Ю. Сапрыкина относительно участия Херсонеса в этих событиях (с. 257). Ведь заключение об участии Херсонеса на стороне Рима в войне построено не только на весьма показательном нумизматическом материале, но и на находках, сделанных во время раскопок варварского святилища на перевале Гурзуфское Седло, которые есть все основания связывать с сообщением Тацита (Ann. XII. 17) о судьбе римских военнослужащих с кораблей, выброшенных во время шторма на берег и перебитых таврами¹⁷. В этом отношении весьма интересна мысль о том, что Херсонес не только участвовал в войне, но и мог служить местом сбора римских войск накануне начала военных действий¹⁸.

Заканчивая эту рецензию, хотелось бы подчеркнуть, что монография С.Ю. Сапрыкина является серьезным, многоплановым историческим исследованием, построенным на комплексном анализе источников и практически всей имеющейся в настоящее время литературе. В ней дано авторское видение сложных и дискуссионных, а порой и еще вовсе не решенных проблем. Высказанные замечания не носят принципиального характера и во многом объясняются разным подходом к оценке тех событий, которые имели место в истории Таврики на рубеже нашей эры. В свете всего сказанного отметим, что монография С.Ю. Сапрыкина заслуживает высокой оценки и является существенным вкладом в разработку античной истории Северного Причерноморья.

В.М. Зубарь

© 2004 г.

«Одинокий остов гробницы» или как не нужно заниматься египтологией (Российский государственный гуманитарный университет. Центр египтологии им. В.С. Голенищева. Труды. Вып. 1. М., 2002)

Последнее десятилетие в отечественной гуманитарной науке ознаменовалось появлением многочисленных учреждений, новооснованных или отпочковавшихся от академических институтов. Само по себе это явление естественно как реакция на избыточную централизацию, господствовавшую на протяжении долгого времени, однако нельзя не признать, что во многих случаях главным мотивом для их создания является неудовлетворенное самолюбие их руководителей. При подобном подходе, к сожалению, исследовательская работа неизбежно отстает на задний план, а первое место занимает самореклама.

Вышедший недавно первый выпуск трудов «Центра египтологии им. В.С. Голенищева» под руководством Э.Е. Кормышевой являет собой яркую иллюстрацию этой тенденции. Открывает его фотография посла Египта в России на открытии Центра, завершает его фотография посла

¹⁷ Зубар В.М. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці // Археологія. 1993. № 1. С. 66–70; он же. Северный Понт... С. 33.

¹⁸ Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 165.